

**Пресс-конференция на тему
«Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике»
17 мая 2017 года**

ВЕДУЩИЙ: Доброе утро, коллеги. Мы начинаем серию пресс-конференций в преддверии годового Общего собрания акционеров «Газпрома». Сегодня поговорим о работе компании в области электроэнергетики.

В пресс-конференции принимает участие начальник Управления ПАО «Газпром», генеральный директор ООО «Газпром энергохолдинг» Денис Владимирович Федоров.

Передаю слово Денису Владимировичу. После чего мы перейдем к вашим вопросам.

Д.В. ФЕДОРОВ: Доброе утро. Я постараюсь кратко пройтись по презентации и больше времени выделить на вопросы, которые у вас возникнут.

(слайд 1) По ключевым вопросам. У нас увеличилась выработка электроэнергии в 2016 году. Несколько увеличился объем отпуска тепловой энергии. Понятно, что это влияние температуры. Достаточно неплохо выросли выручка, EBITDA.

В 2016 году мы ввели два новых угольных энергоблока: на Троицкой ГРЭС мощностью 660 МВт, на Новочеркасской ГРЭС — 330 МВт.

На Троицкой ГРЭС было достаточно большое и долгое строительство. Абсолютно все оборудование китайское. Высокий уровень автоматизации на блоке. Работает не без проблем, но мы сейчас убираем все «детские» болезни, которые есть у новых блоков. Учитывая практически полное отсутствие строительства пылеугольных блоков в России за последние 10–15 лет, естественно, проект достаточно сложный. У нас возникают определенные проблемы с эксплуатацией оборудования. Думаю, мы в течение полугода их решим.

На Новочеркасской ГРЭС использована технология циркулирующего кипящего слоя. Это единственный блок в России мощностью 330 МВт, работающий именно по технологии циркулирующего кипящего слоя. Там мы все проблемы уже убрали, и блок работает в нормальном режиме.

В прошлом году начали полномасштабную реализацию проекта по строительству Грозненской электростанции мощностью 360 МВт.

К середине 2017 года мы завершаем строительство двух турбин по 50 МВт в Санкт-Петербурге на Центральной ТЭЦ. Учитывая, что станция находится в самом центре Санкт-Петербурга, и большой объем переключения электрических нагрузок, где-то до сентября будем осуществлять электросетевые работы по переключению. А сам блок работает, и в ближайшее время мы пустим его официально в эксплуатацию.

(слайд 2) На следующем слайде более подробно по отдельным компаниям указываются изменения в отпуске тепла и выработке электроэнергии.

(слайд 3) Здесь приведены основные финансово-экономические показатели. Это данные по российским стандартам бухгалтерской отчетности (РСБУ). Видно, что все финансовые показатели у нас в порядке. Мы везде достаточно сильно прирастаем. Чистая прибыль «Газпром энергохолдинга» выросла на 65%.

(слайд 4) По долговой нагрузке. Это первый год, когда мы начали снижать долговую нагрузку. И выплаты дивидендов акционерам будут также увязываться со снижением долговой нагрузки. Как я и говорил, мы новых масштабных инвестиционных проектов пока не задумываем — для этого нет инвестиционных предпосылок. Рынок электроэнергии и мощности, который сформирован, не дает нам никаких инвестиционных стимулов вкладывать средства в новые проекты по развитию генерации. Поэтому наши основные задачи — это выплата дивидендов акционерам и снижение чистого долга. Вы видите, что в 2016 году долг уменьшился со 157,7 млрд руб. до 144 млрд руб.

(слайд 5) По дивидендам. Мы по «Мосэнерго» и по ТГК-1 выносим на собрания акционеров предложение о выплате 25% по международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), как и записано в решении совещания у Председателя Правления

ПАО «Газпром», которое было в прошлом году. По ОГК-2 мы планируем 25% по РСБУ лишь потому, что это выше, чем по МСФО.

(слайд 5) На слайде мы привели отношение нашего долга к EBITDA. У «Мосэнерго» и ТГК-1 очень хорошие показатели. У ОГК-2 — несколько выше, но в приемлемых нормативах. Еще раз говорю, что наши основные усилия сосредоточены на снижении долговой позиции и на выплате дивидендов.

(слайд 6) Продолжаем реализовывать программу по оптимизации затрат, занимаемся импортозамещением. Стараемся реализовывать непрофильные активы, которые у нас до сих пор есть — в основном у «Мосэнерго» и МОЭК. Понятно, что рынок для реализации непрофильных активов сейчас не очень хороший, но мы стараемся продать их с максимальной эффективностью. То есть у нас нет задачи избавиться от непрофильных активов по любой цене, стараемся это делать на основе максимизации доходов для компании.

(слайд 7) Ключевые приоритеты нашего развития. У нас есть поручение по актуализации стратегии «Газпрома» в электроэнергетике. Сейчас мы над этим активно работаем. В случае если будут приняты решения по так называемому «ДПМ-штриху», у нас есть ряд проектов, которые мы считаем необходимыми реализовать. И при наличии инвестиционных стимулов, несомненно, мы будем реализовывать эти инвестиционные проекты. На сегодняшний день окончательных решений со стороны федеральных органов исполнительной власти мы не видим. Есть общее понимание, что в теплоэнергетике должны остаться те доходы и та выручка, которые в ней существуют. Они не должны перераспределиться в другие направления, но пока каких-то конкретных решений мы не видим.

Будем продолжать оптимизировать операционные и инвестиционные затраты. Постепенно выводим мощности из эксплуатации. На сегодняшний день у нас согласован вывод к 2022 году порядка 1000 МВт.

Занимаемся проектами по строительству мощностей. Мы приступили к строительству большой подстанции в Амурской области, и ведем проектирование первой очереди электростанции, рассчитанной для энергоснабжения Амурского газоперерабатывающего завода.

Мы всегда говорим о приобретении профильных активов, но на сегодняшний день никакие переговоры не ведутся. Никаких предложений, которые нам казались бы интересными, на сегодняшний день нет. Несомненно, мы следим за ситуацией в российской электроэнергетике, но пока нет ничего, о чем можно было бы разговаривать.

Международные проекты. На стадии реализации строительство электростанции в Панчево. Идут переговоры по выбору оборудования. Буквально вчера я встречался с представителями Siemens и с руководством Metka — греческой компании, которая выиграла конкурс по строительству электростанции. Должны принять окончательное решение, какой мощности электростанцию будем строить. Я думаю, что в течение одно-двух недель все это завершим, и Metka приступит к работам на этом проекте.

Мы внимательно следим за выплатой дивидендов. Дивиденды у нас растут из года в год и по «Мосэнерго», и по ТГК-1, и по ОГК-2. Самый большой рост по выплатам будет в «Мосэнерго» — в 2015 году мы выплатили около 2,2 млрд руб., в этом году выплатим около 3,4 млрд руб. По ТГК-1 в прошлом году было 937 млн руб., в этом году — 1,3 млрд руб. По ОГК-2 в прошлом году было 600 млн руб., в этом году будет 874 млн руб. А снижение долговой нагрузки происходит за счет операционного потока от ДПМ.

(слайд 8) Основные проблемы у нас — на рынке теплоснабжения Санкт-Петербурга. Они на сегодняшний день не решены, и мы не видим пока каких-то перспектив для решения этих вопросов. Может быть, можно говорить о некоем позитиве с точки зрения того, что долги растут не такими темпами, как они росли раньше. Тем не менее мы видим, что проблемы есть, и они достаточно существенны: 6,1 млрд руб. — это просроченная задолженность за тепло в Санкт-Петербурге, из которых 4,2 млрд руб. — это управляющие компании с участием города.

Инвестиционная программа на 2017 год: в тарифе АО «Тепловая сеть Санкт-Петербурга» всего лишь 2,4 млрд руб. на то, чтобы постараться приводить в порядок тепловые сети. Реально мы в этом году оплачиваем больше. Это связано с тем, что мы каждый год делаем задел по проектированию. В основном деньги сверх тарифа мы вкладываем в проектирование для того, чтобы у нас всегда на два-три года вперед была возможность работать с четкой и понятной проектной документацией и с понятными цифрами.

Как я уже неоднократно говорил, этих денег явно недостаточно, чтобы поддерживать в нормальном состоянии систему теплоснабжения города. Нужны более серьезные инвестиции. И, естественно, нужна нормальная платежная дисциплина. Несмотря на то, что мы ведем переговоры, и на переговорах всем все понятно, дальше переговоров и подписания определенных документов, где даются указания, которые никогда не выполняются, дело не идет. К сожалению, у нас достаточно серьезные проблемы в Петербурге. И мы пока, честно говоря, не понимаем, как мы их будем решать.

Что касается системных вопросов, которые стоят перед отраслью, — это в первую очередь сохранение необходимой валовой выручки в электроэнергетике, перераспределение этой выручки в сторону атомной энергетики, «зеленой» энергетики и прочих проектов. Тепловая энергетика является основой российской электроэнергетики и, естественно, основой теплоснабжения потребителей всей страны. Климат у нас холодный, поэтому тепло — гораздо более социальный продукт, чем электроэнергия. И я считаю, что необходимо создавать стимулы. Несомненно, программа ДПМ создала большие и серьезные преимущества, позволила обновить часть мощностей в России, но это точно не то, на чем сегодня стоит остановиться. Эту инвестиционную программу необходимо продолжать, ее необходимо развивать. Мы надеемся, что федеральные органы исполнительной власти примут необходимые решения, и мы сумеем начать реализовывать программу модернизации мощностей.

Несомненно, есть очень большая проблема по угольной генерации в европейской части России — низкая цена, которая ничем не отличается от газовой генерации, а операционные затраты на угольную генерацию существенно выше. Мы видим достаточно большие объемы вывода угольных мощностей в центральной части России. Я считаю, что это с точки зрения энергетической безопасности страны крайне неправильно. Это негативно сказывается на энергетической безопасности, поэтому здесь все-таки необходимо решение.

Еще проблемы, которые, как мы считаем, уже перешли на федеральный уровень, — это проблемы с углем, в первую очередь на Новочеркасской ГРЭС. Мы получаем крайне мало угля, и он очень плохого качества. На сегодняшний день мы его дожигаем с помощью газа, что фактически делает использование угля на Новочеркасской ГРЭС экономически неэффективным. Кроме того, объем поставок составляет в среднем 60% от законтрактованного — то есть, нам банально не везут уголь. У нас были поставщики, которые нам везли всего 10% угля от тех заявок, которые мы им давали. Хотя в период, когда у нас начинаются конкурсные процедуры, все угольные компании, которые работают в данном субъекте, за каждую копейку, за каждую лишнюю тонну угля бьются. А когда доходит до реального дела, то ничего не происходит. Этот вопрос мною был вынесен на рассмотрение губернатора Ростовской области и Министерства энергетики РФ. Я знаю, что там проходило несколько совещаний.

Этой зимой мы имели реальные опасения в отношении поддержания на складе необходимого объема угля. Я не могу сейчас обвинять в чем-то угольные компании, потому что не имею объективной информации, но насколько я понимаю, весь уголь идет на экспорт. Как только экспортная цена растет, уголь к нам не идет, — точнее, к нам идет тот уголь, который не берут на экспорт. Я не хочу называть его землей, но это уголь точно не того качества, которое прописано в контракте, не тот, для которого проектировалась станция. Мы несколько составов отправили обратно поставщикам, чтобы они привезли нормальный уголь. Поэтому мы на сегодняшний день имеем примерно 60% от заявок угля, и, к сожалению, пока находимся в достаточно сложной ситуации.

Мы даже смотрим сейчас на возможность строительства второй нитки газопровода к Новочеркасской ГРЭС. Просто потому, что мы фактически можем попасть в ситуацию, когда не будем выполнять нормативы Министерства энергетики по необходимым запасам угля, и это может привести к ответственности руководства ОГК-2 и «Газпром энергохолдинга» — не только к административной, но и к уголовной. Ситуация недопустимая, с моей точки зрения, но влиять на нее мы, к сожалению, не можем. Кто может повлиять на это, мне тоже очень сложно сказать. Я провел переговоры со всеми акционерами компаний, которые поставляют нам уголь на Новочеркасскую ГРЭС. Сейчас «Донуголь» подравнялся и увеличил объемы, а остальные не везут те объемы, которые нам необходимы.

Если мы построим газопровод, то в принципе откажемся от угля, за исключением нового энергоблока мощностью 330 МВт. Понимаем все социальные проблемы, которые возникнут в Ростовской области, — мы потребляем порядка 60% всего угля, добываемого в Ростовской области. Это явно приведет к социальным последствиям среди шахтеров.

Ситуация достаточно напряженная. Потому что газопровод построить можно, и мы даже имеем понимание, сколько это примерно будет стоить. Речь идет даже не столько об экономической целесообразности строительства этого газопровода, сколько о безопасности работы электростанции. Некоторые поставщики в зимний период везли нам меньше 10% от объемов угля, которые мы заказывали. Например, шахта Обуховская. Мы направили им уведомление о расторжении договора.

Если говорить о наиболее больших и серьезных проблемах, с которыми мы столкнулись в течение 2016 года — это продолжение ситуации по долгам Санкт-Петербурга: несмотря на огромное количество встреч, разговоров и протоколов, мы, к сожалению, пока не видим улучшения собираемости и снижения просроченной дебиторской задолженности. И по ОГК-2 достаточно серьезная проблема с углем.

Я на этом закончу. Готов ответить на ваши вопросы.

ВОПРОС: Полина Строганова, агентство «Интерфакс». По итогам 2017 года можно ожидать роста дивидендов по дочерним компаниям? Сколько будет процентов от чистой прибыли?

Д.В. ФЕДОРОВ: У нас есть четкое поручение нашей материнской компании — платить не менее 25% по МСФО. 25% — это тот минимум, который зафиксирован официальным решением. Что касается конкретных цифр по 2017 году — когда мы увидим финансовый результат в 2017 году и долговую нагрузку, то исходя из этого с профильными департаментами «Газпрома» мы решим, каким образом и сколько дивидендов платить. Сейчас сказать конкретно, что мы заплатим в процентах столько-то или столько, я не могу, но точно не менее 25% по МСФО.

П. СТРОГАНОВА: В абсолютном выражении они будут расти?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы, несомненно, будем стремиться к тому, чтобы рост в абсолютных цифрах увеличивался.

ВОПРОС: Анастасия Лырчикова, агентство Reuters. Уточните по дивидендам: почему 25%? В 2016 году Вы говорили, что речь может идти о 35% по МСФО.

Можете дать прогноз по финансовым показателям по МСФО на 2017 год?

Д.В. ФЕДОРОВ: У нас пока не все бизнес-планы утверждены и согласованы с профильными департаментами «Газпрома», поэтому я воздержусь от оценок 2017 года. Я думаю, что мы к июню все вопросы дорешаем и выпустим официальный пресс-релиз с прогнозными показателями.

Почему мы платим 25%? Мы считаем, что это здравый баланс между снижением долговой позиции и объемом дивидендных выплат. То есть те доходы, которые мы

получаем, идут на снижение долгов и выплату дивидендов. И мы пришли к решению о том, что мы данный объем дивидендов заплатим и будем вести при этом системную работу по снижению долговой нагрузки наших генерирующих компаний.

А. ЛЫРЧИКОВА: Насколько вы планируете сократить долговую нагрузку по итогам 2017 года, и за счет каких инструментов?

ОТВЕТ: Евгений Николаевич Земляной, заместитель генерального директора по экономике и финансам ООО «Газпром энергохолдинг». Мы в апреле 2017 года, по сравнению с концом 2016 года, сократили долговую нагрузку более чем на 20 млрд руб., в основном по «Мосэнерго» и ТГК-1. До конца года мы планируем еще до 10 млрд руб. в сумме по Группе сократить.

А. ЛЫРЧИКОВА: Всего — на 30 млрд руб.? За счет чего?

Е.Н. ЗЕМЛЯНОЙ: Примерно так. Все за счет денежного потока. Первый квартал очень удачный в этом году. Плюс идет оптимизация по инвестиционной программе: меньше занимаем.

Д.В. ФЕДОРОВ: За счет свободных денежных средств мы гасим задолженность.

ВОПРОС: Вячеслав Городецкий, агентство «Би-порт». В Мурманской области разработан комплексный инвестиционный проект модернизации системы теплоснабжения до 2030 года. Тезисы, которые в нем содержатся, отличаются от принятых в городах схем теплоснабжения. В частности, предлагается перевести одну из котельных на уголь. При этом вы говорите, что есть проблемы с углем в центральной части России. Не будет ли проблем в Мурманске с этим?

Как вы видите развитие тепловых источников ТГК-1 в Мурманской области — Апатитской и Мурманской ТЭЦ?

Сейчас идет Год экологии. Дайте оценку мерам, которые предпринимаются для минимизации экологических последствий для регионов.

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы с Губернатором Мурманской области этот вопрос активно обсуждали. У нас выделено порядка 500 млн руб. на реализацию экологических проектов в Мурманской области. Из них порядка 300 млн руб. пойдет на создание закрытой эстакады системы слива топлива. Я знаю, что это большая проблема — запах, когда идет переливка мазута из вагонов в системы топливоприготовления. Поэтому мы делаем закрытую систему. Сейчас уже идет заказ оборудования, и к середине следующего года мы эту систему сделаем.

Что касается перевода станций на уголь. Мы имеем достаточно большой опыт работы с угольными компаниями — я говорю не только про Новочеркасскую ГРЭС, а про все наши угольные активы. С моей личной точки зрения, если нет четкого договора с описанной ценой на уголь — не с формулой цены, а именно с четко прописанными ценовыми показателями, — ввязываться в эти проекты крайне рискованно. Тем более, насколько я понимаю, Мурманск является одной из перевалочных баз угля, который поставляется на экспорт. Когда мы рассматривали и считали потенциальную возможность перевода станций с мазута на уголь, мы увидели, какая экспортная волатильность по углю. А учитывая, что это база, фактически мы должны брать экспортный уголь по экспортной цене минус транспортировка в порты поставки.

Честно говоря, экономически это крайне рискованный проект при условии цен на мощность и электроэнергию, которые существуют. По электроэнергии у нас 12 МВт (установленная мощность Мурманской ТЭЦ), но станция в основном производит тепло. Если мы еще доведем инвестиционную составляющую, а в Мурманске и так высокий тариф на тепло... Надо очень аккуратно к этому относиться.

Если существуют четкие и понятные договоренности с угольными компаниями, они гарантируют и объемы, и понятную цену — это один вопрос. Я знаю, что угольные компании активно пытаются рассказывать о том, насколько эффективно будет построить в Мурманске угольную станцию. Но я к этому отношусь с очень большой осторожностью. Там вряд ли будут проблемы с точки зрения недостатка угля, но вот с ценой на уголь там точно могут возникнуть проблемы. И прогнозировать денежный поток на 10–12 лет вперед — мы же за три года никогда не окупим инвестиции, тем более в угольную генерацию, — несомненно, не стоит. Во всяком случае, мы на протяжении нескольких лет отработывали эти варианты, и ни разу на данное инвестиционное решение не решились. На сегодняшний день мы сосредоточены на решении экологических проблем.

Несомненно, мы смотрим на состояние нашего оборудования, понимая, что наша большая и ответственная миссия — теплоснабжение мурманских потребителей, что там очень холодно, и отопительный сезон длится очень долго. Поэтому мы следим за техническим состоянием нашей электростанции, фактически, котельной, и в случае необходимости будем инвестировать туда деньги.

А по экологии — основную проблему мы закроем в середине следующего года. Мы заказали оборудование, оно придет, мы начнем его монтировать и к середине следующего года закроем этот вопрос. Мы проблему признаем и будем ее решать.

ВОПРОС: Ольга Мягченко, газета «Деловой Петербург». Вопрос про «Теплосеть Санкт-Петербурга». Зная историю создания этой компании, историю с тарифами и с переговорами по выкупу городом акций у ТГК-1, создается впечатление, что город намеренно добивается увеличения износа теплосети и того, чтобы ТГК-1 уже бесплатно передала городу этот актив. Разумеется, это неправда, но впечатление такое складывается. Уже сейчас износ сетей этой компании в 2,5 раза превышает износ сетей ГУП «ТЭК». В какой момент вы будете готовы отдать городу этот актив бесплатно или даже приплатить за то, чтобы его у вас забрали?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы коммерческая компания, несмотря на то, что на нас лежит довольно большой объем социальной ответственности, и мы с себя его не снимаем. Тем не менее, мы — коммерческая компания. И мы считаем, что все наши обязательства в рамках создания тепловых сетей мы выполняли и выполняем.

Со стороны администрации города мы не видим даже стремления выполнять те обязательства, которые были приняты. Мы сейчас даже не говорим об опережающем росте тарифов, о котором мы договаривались. Мы говорим хотя бы о нормальной платежной дисциплине со стороны управляющих компаний, которые подчиняются городу, и в которых город имеет какую-то долю — чаще всего контролирующую. Поэтому мы неоднократно говорили: верните долги, мы их не направим ни на какие дивиденды, мы их не направим на погашение задолженности — мы их направим в проекты, которые мы готовы согласовать с городом, и которые будут способствовать улучшению теплоснабжения Санкт-Петербурга. То есть мы их направим просто в тепловые сети.

Отдать теплосеть бесплатно? Наверное, чудес не бывает. Нам даже по закону нельзя передавать компанию бесплатно, а тем более за нее доплачивать. Кроме того, у компании достаточно высокая балансовая стоимость, и передача приведет к формированию убытков, пусть и бумажных. А эти бумажные убытки тут же скажутся и на объеме дивидендов, которые выплачиваются в адрес основного акционера и миноритарных акционеров. Поэтому я считаю, что это путь вникуда.

Если говорить об одном рубле или одной копейке, то я считаю, что мы предложили городу абсолютно корректную схему нашего выхода из этого актива. Мы предложили взять объекты теплосетевого хозяйства и внести их в уставный капитал «Теплосети Санкт-Петербурга», таким образом, нарастив долю до контролирующей, или до 75% +1, или до 100%. То есть от города денег не понадобится. Просто внесите активы в счет дополнительной эмиссии акций. И все, проблема решена. Она никому экономически и

финансово не будет создавать проблем. Но, к сожалению, мы на сегодняшний день даже этот вопрос решить не можем. По разным причинам. Я не хочу углубляться, обсуждать конкретные фамилии, но ситуация очень странная. Нам удается удерживать ситуацию с теплоснабжением, я считаю, на приемлемом уровне для такого состояния тепловых сетей. Но мне кажется, что в таком городе, как Санкт-Петербург, система теплоснабжения должна соответствовать истории города, его статусу в рамках Российской Федерации.

Я вижу, какое внимание уделяется практически всеми руководителями субъектов Российской Федерации, где мы занимаемся теплоснабжением. Для понимания: в Москве регулярно даже у Мэра проходит обсуждение того, как идет отопительный сезон. Я уж не говорю о заместителях Мэра — мы регулярно с ними собираемся. В Мурманске тоже повышенное внимание. Я встречаюсь с Губернатором Мурманской области намного чаще, генеральный директор ТГК-1... Все уделяют большое внимание теплоснабжению.

А в Санкт-Петербурге все прекрасно всё понимают в разговорах, на встречах, под протокол и без протокола, но ничего не происходит. Я не думаю, что есть какая-то принципиальная позиция, чтобы довести «Теплосеть Санкт-Петербурга» «до ручки». Мы не позволим это сделать. В такой ситуации это оставлять нельзя — тепловые сети надо приводить в порядок.

Что такое инвестиционная программа в несколько миллиардов рублей в таком городе, как Санкт-Петербург? Я говорю про инвестпрограмму без технологических присоединений. Там плата за присоединение около 500–600 млн руб. в год, но это фактически оплачивают новые потребители. В Москве в этом году у нас программа на уровне 14 млрд руб., в прошлом году была на уровне 17 млрд руб., до этого была на уровне 21 млрд руб. Объемы очень большие. И при этом тариф в Москве выше, несмотря на бóльший рынок, и инвестпрограмма выше. Все должно быть наоборот — там, где маленький рынок, тариф должен быть выше. Плюс есть, мягко говоря, существенная разница в износе тепловых сетей Москвы и Санкт-Петербурга.

Поэтому мне кажется, что вопрос нормального теплоснабжения — это один из ключевых вопросов, которым должны заниматься администрации субъектов Российской Федерации. Нужно уделять повышенное внимание данной проблематике.

ВОПРОС: Алексей Кириченко, газета «Коммерсант». В этом году по Санкт-Петербургу в инвестиции заложено по тарифам 2,4 млрд руб., вы, соответственно, вкладываете 3,1 млрд руб. Разница — 700 млн руб. Сколько еще лет у «Газпрома» будет возможность вкладывать свои деньги в тепловые сети?

Второй вопрос связан с фактическим завершением программы ДПМ ТГК-1. Когда будет запущен генератор Центральной ТЭЦ? Сколько всего средств вы инвестировали в программу ДПМ именно по ТГК-1. Сколько планируете получить с этих инвестиций? И в целом, были ли или имеются какие-то финансовые риски в этой истории с ДПМ?

Д.В. ФЕДОРОВ: По поводу опережающего или бóльшего финансирования со стороны ТГК-1 и «Теплосети Санкт-Петербурга». Понятно, что мы вынуждены минимизировать, потому что сама по себе «Теплосеть Санкт-Петербурга» не в состоянии нести значительные финансовые вложения сверх тарифа. Поэтому инвестиционная программа, которая не покрывается тарифом, из года в год снижается. В следующем году, наверное, разница между тарифом и тем, что мы реально инвестируем, снизится еще больше.

Мы уже находимся в точке невозврата: долги растут, деньги не доходят. Сейчас есть несколько решений Федеральной антимонопольной службы. Они, насколько я понимаю, сильно не афишируются в связи с тем, что эти решения в пользу ТГК-1 и фактически обязывают город перейти на физический метод разнесения затрат между электроэнергией и теплом. Это будет достаточно хорошим подспорьем для ТГК-1 с точки зрения появления дополнительного денежного потока и компенсации ряда денежных средств, которые не были учтены в тарифе. Поэтому мы надеемся, что все предписания антимонопольной службы будут исполнены со стороны органов исполнительной власти города Санкт-Петербурга.

По ДПМ никаких дополнительных рисков у нас нет. Достаточно дорогой получилась Центральная ТЭЦ (проект ГТУ-ТЭЦ мощностью 100 МВт), поскольку она расположена в самом центре Санкт-Петербурга. Там было много ограничений по строительству, переключениям и так далее, поэтому она вышла дороже эталонного SAPEX. По всем остальным стройкам — порядка 100 млрд руб.

ДПМ — абсолютно понятный механизм. На него не распространяются долги, которые есть на Северном Кавказе и у других отдельных сбытовых компаний. Поэтому никаких рисков мы не видим. Как мы исполнили свои обязательства по ДПМ, так и федеральные органы исполнительной власти исполняют свои обязательства, за исключением РСВ (рынок на сутки вперед). Но об этом я говорил на совещании в Министерстве энергетики, которое проходило перед майскими праздниками¹. Компании недополучают доходы по ранее построенным электростанциям. По станциям, введенным в эксплуатацию до 2012 года, должен пройти пересчет КРСВ², чего не сделано. Мы в протокол совещания это внесли. То есть доходы на рынке электроэнергии были меньше, чем закладывалось в планы. И, в соответствии с постановлением Правительства, эти доходы должны будут компенсироваться через рынок мощности.

На сегодняшний день по всем станциям, которые введены после 2012 года, пересчет осуществляется, а по станциям, которые были введены до 2012 года, перерасчета нет. Суммарно по всем компаниям это около 4 ГВт мощностей, по которым должен быть перерасчет. Министр дал команду внести этот пункт в поручения, которые необходимо выполнить Министерству энергетики. Поэтому мы этим вопросом сейчас занимаемся. Других рисков по ДПМ у нас нет.

ВОПРОС: Ольга Квашина, пресс-служба Красноярской ГРЭС-2 (ОГК-2). Сейчас при актуализации стратегии «Газпрома» в электроэнергетике вы готовите программу модернизации оборудования. В «ДПМ-Штрих» еще нет понятных федеральных рычагов, но тем не менее такие программы уже создаются. Какие станции ОГК-2 планируется включить? Я знаю, что Сургутская ГРЭС-1 и Киришская ГРЭС планируются, а Красноярская ГРЭС-2? У нас в последние десять лет коэффициент использования установленной мощности превышает 50%, в I квартале 2017 года — 72%. Хороший уголь рядом, мы востребованы, прибыльны, но нужна модернизация.

Каким может быть рост потребления электроэнергии в России?

Д.В. ФЕДОРОВ: Не думаю, что у нас будут какие-то взрывные, опережающие темпы потребления электроэнергии. В свое время РАО «ЕЭС» закладывало рост 4% год к году. Я тогда считал и сейчас считаю, что это существенно завышенные оценки. Я думаю, что все будет находиться примерно на одном уровне, плюс-минус 1% роста. По субъектам Российской Федерации где-то может происходить достаточно большое увеличение потребления электроэнергии, но в целом по России я не ожидаю какого-то большого роста — это 1–1,5%, максимум 2%. С 2011–2012 годов мы находимся примерно в одном и том же объеме электропотребления. Я ни разу не видел каких-то серьезных всплесков потребления электроэнергии, если говорить обо всей Российской Федерации.

Красноярская ГРЭС-2 — это, несомненно, одна из наших «кормилиц». Это доходная для нас электростанция, там есть два поставщика угля.

Мы уже сталкивались с проблемами на Троицкой ГРЭС, где угольная станция в свое время была достаточно серьезно запущена, и возродить ее, фактически, не получилось. Поэтому к техническому состоянию оборудования мы относимся серьезно и,

¹ 28 апреля 2017 года под руководством Министра энергетики РФ Александра Новака состоялось всероссийское совещание «Об итогах прохождения осенне-зимнего периода 2016-2017 годов субъектами электроэнергетики».

² Коэффициенты РСВ применяются согласно «Правилам определения цены на мощность, продаваемую по договорам о предоставлении мощности» (утверждены постановлением Правительства РФ №238 от 13.04.2010 г.), определяют цены на мощность генерирующих объектов газовой генерации и отражают прогнозную прибыль от продажи электрической энергии.

несомненно, деньги в Красноярскую ГРЭС-2, которая является станцией-донором, мы вкладывать будем. Генеральный директор ПАО ОГК-2 Станислав Анатольевич Ананьев может более подробно прокомментировать.

С.А. АНАНЬЕВ: Есть два приоритета. Есть приоритет, который определяется ОГК-2, — Сургутская и Красноярская ГРЭС стоят в первой очереди, как станции-доноры. И есть приоритет с точки зрения того, как мы видим возможные позиции Министерства энергетики, «Системного оператора». Соответственно, Новочеркасская и Ставропольская ГРЭС с их точки зрения являются основным приоритетом.

Поэтому дальше в разговоре с федеральными органами исполнительной власти в рамках «ДПМ-штрих» будем определяться, в каких координатах мы будем двигаться.

ВОПРОС: Евгения Ерыкалова, пресс-служба Троицкой ГРЭС (ОГК-2). В СМИ появлялась информация о возможной продаже Троицкой ГРЭС «Фортуму». Можете как-то прокомментировать? И есть ли вообще понимание, насколько возможна такая сделка в ближайшее время?

Д.В. ФЕДОРОВ: Есть такая известная фраза — что не продается за деньги, продается за очень большие деньги. Поэтому я еще раз скажу то, что я говорил на совещании в Министерстве энергетики. К нам периодически много людей приходит, предлагают что-то купить, предлагают что-то продать. Различные разговоры осуществляются в рабочем режиме. Разговоров много, а никаких реальных мероприятий на сегодняшний день нет. Поэтому я не могу подтвердить продажу Троицкой ГРЭС.

Я говорил на совещании в Министерстве энергетики, что к нам недавно поступило письмо о том, что Олег Владимирович Дерипаска (президент РУСАЛа) хочет выкупить весь Выгский каскад ГЭС (в Республике Карелия, входит в состав ТГК-1). Ондскую ГЭС мы ранее продали, теперь они хотят забрать весь каскад. С моей точки зрения, то обоснование, которое я почитал, — это не основание для выкупа станций. Поэтому мы отвечаем отказом, считаем, что это нецелесообразно. Мы считали, что и Ондскую ГЭС нецелесообразно продавать, но, учитывая определенные аспекты, мы все-таки пошли на это.

Компания ТГК-1 — сбалансированная. Она не зря таким образом формировалась, в нее включались определенные субъекты, определенные мощности — как убыточные, так и доходные. Поэтому сейчас, условно говоря, разобрать компанию по частям — это дело такое... Но мы понимаем, что вся ответственность за теплоснабжение регионов, в том числе сложных с точки зрения состояния систем теплоснабжения, будет лежать на нас. Поэтому мы считаем, что не нужно трогать компанию ТГК-1 в рамках их проекта по поддержанию завода в районе Ондской ГЭС (Надвоицкий алюминиевый завод). Они Ондскую ГЭС купили, но, насколько я понимаю, завод они не поддержали — завод достаточно существенно снизил производство алюминия. Та задача, которая ставилась, не выполнена со стороны РУСАЛа. И мы считаем нецелесообразными какие-то дальнейшие операции с ТГК-1. Ставить эксперименты на таких субъектах Российской Федерации, как Карелия, Мурманская область, Ленинградская область и город Санкт-Петербург, я считаю неправильным.

ВОПРОС: Марина Коцюбинская, агентство РИА «Новости». Вы планируете выплачивать дивиденды МОЭК за 2017 год? В 2016 году компания показала прибыль, но дивиденды не платились.

Есть ли оценки, по какой цене вы все-таки можете согласиться на продажу Троицкой ГРЭС? Или это в принципе невозможно так же, как с Выгским каскадом?

Можете ли вы привести оценки стоимости строительства газопровода к Новочеркасской ГРЭС?

Д.В. ФЕДОРОВ: По стоимости строительства газопровода есть некая первичная оценка, которая сделана без учета вопросов выкупа земель, — где-то не больше 1 млрд руб. Это не «пальцем в потолок», но оценка не учитывает возможных сопутствующих факторов, которые могут возникнуть при строительстве газопровода. Будем отрабатывать с проектными институтами, чтобы у нас хотя бы проект был готов. Если мы увидим, что ситуация с поставками угля не меняется, наверно, мы будем вынуждены принимать это решение.

По Троицкой ГРЭС у нас нет никаких индикативных оценок, по которым мы могли бы продать. Существуют очевидные методы оценки: DCF-модель³ показывает достаточно большие деньги, учитывая, что это новый блок мощностью 660 МВт. Фактически сейчас основным драйвером стоимости Троицкой ГРЭС является новый угольный энергоблок — денежный поток по нему абсолютно понятен и прозрачен, исходя из эталонного CAPEX, из того, что он угольный, и так далее. Это всегда можно спокойно посчитать. Как я уже говорил, никаких изъятий там не происходит с точки зрения каких-то неплательщиков. Но никаких оценок мы не делали.

По дивидендам МОЭК. В этом году мы не платим дивиденды, а следующий год — посмотрим. Но, скорее всего, мы выплачивать дивиденды и по результатам 2017 года не будем. Это связано с тем, что у нас есть целый ряд проектов, которые мы должны реализовывать для повышения надежности теплоснабжения потребителей Москвы. Плюс там есть ряд особенностей, поэтому пока мы не планируем платить дивиденды по МОЭКу. Мы ведем очень большую работу по оптимизации. С многомиллиардного убытка в 2013 году (год приобретения Группой «Газпром» ПАО МОЭК) на сегодняшний день мы вышли в плюс на 900 млн руб. Надеемся, что по результатам 2017 года мы еще улучшим финансово-экономические результаты. И только когда мы войдем в нормальный режим работы, как это сейчас в «Мосэнерго», ТГК-1, ОГК-2, когда будет понятно на три года вперед, что у нас никаких неожиданных рисков не возникнет, тогда мы, наверно, начнем платить дивиденды. Нам нужно еще год-два для того, чтобы окончательно все привести в порядок.

П. СТРОГАНОВА: Вы говорили о возможном интересе к новым проектам при новой модели после ДПМ. А при текущей модели вам потенциально интересно участие в конкурсном отборе генераций на новых территориях, как Тамань, где поменяли условия?

Д.В. ФЕДОРОВ: Нет, по Тамани мы не будем участвовать в конкурсе.

П. СТРОГАНОВА: После Дня инвестора была информация, что миноритарные акционеры дочерних компаний «Газпром энергохолдинга» — «Фортум» и Правительство Москвы — потенциально заинтересованы в выходе, соответственно, из ТГК-1 и «Мосэнерго». Какие-то переговоры сейчас с ними ведутся на эту тему?

Д.В. ФЕДОРОВ: Наши слова на встречах с аналитиками очень странно трансформируются в какие-то абсолютно нелогичные и неправильные вещи.

Мы всегда говорим, что и «Фортум», и Правительство Москвы, наверно, при определенных экономических условиях и предпосылках могут выйти из компаний. У нас есть эффективный контроль в этих компаниях, и мы не видим каких-то предпосылок платить за это на сегодняшний день серьезные деньги. Несомненно, разговоры иногда идут, но это не официальные переговоры, и это не какая-то сформированная позиция. Вопрос был очень простой: «А могут они выйти?». Я сказал: «Наверно, потенциально могут». Предложений о продаже пакетов с нашей стороны к ним не поступало. И я точно не говорил о том, что у нас есть интерес, или что мы кому-то делали предложения о выходе, о выкупе.

³ Discounted Cash Flow, метод инвестиционной оценки на основе анализа дисконтированных денежных потоков

А. ЛЫРЧИКОВА: Какие механизмы для стимулирования инвестиций в модернизацию ждет «Газпром энергохолдинг»? Какая дискуссия вообще сейчас идет в Правительстве и ведомствах? Ожидаете ли, что получится до конца года этот механизм найти? И, в принципе, какой объем мощностей по «Газпром энергохолдингу» вы хотели бы предложить для модернизации?

Вчера было заседание Правительственной комиссии по импортозамещению, где было сказано, что в ближайшее время, осенью, начнется все-таки опытно-промышленная эксплуатация газовой турбины мощностью 110 МВт отечественного производства, и у нее есть перспективы для использования в российской электроэнергетике. Как вы эти перспективы оцениваете? Также представитель Министерства промышленности и торговли говорил, что в ближайшее время будет подписан некий связанный с этой турбиной инвестиционный контракт между «Интер РАО», РОСНАНО, «Газпром» и ведомствами. Не могли бы пояснить, о чем может идти речь?

Д.В. ФЕДОРОВ: Ни с кем ни о каких меморандумах даже речи не было. Мы несколько недель назад выиграли суд у НПО «Сатурн» на 1,2 млрд руб. по этой турбине. Если кому-то нужна опытно-промышленная эксплуатация, то сейчас эта турбина находится на Рязанской ГРЭС. Я вообще ни с кем из Министерства промышленности и торговли по этому поводу не общался. Если им нужно посмотреть на эту турбину, они могут приехать на Рязанскую ГРЭС и посмотреть, что нам привезли в декабре 2016 года, и сделать все выводы об этой турбине. Хотя мне кажется, что это достаточно легко сделать по опыту эксплуатации шести турбин, выпущенных в России.

Мы обсуждали с Министром энергетики Александром Новаком этот вопрос. Ряд руководителей энергокомпаний пригласили поговорить «без галстуков», обсудить насущные проблемы, которые стоят перед отраслью. Позиции практически всех генерирующих компаний сводились к одному: мы готовы брать российское оборудование — я сейчас говорю не конкретно о турбине ГТД-110, а о российском оборудовании, о российских турбинах, — но для этого нужно создать предпосылки.

Первая предпосылка — это отсутствие штрафов, когда у нас не работает российское оборудование, которое мы купили. Мы эту надстройку 110 МВт (проект надстройки газовой турбиной паросилового блока на Рязанской ГРЭС) вводили в 2010 году — она не отработала и года суммарно за все это время. Ремонт турбины шел два с половиной года. Я вам скажу, что Siemens поставляет турбину 100 МВт за 10 месяцев. А у нас ремонт шел несколько лет.

«Интер РАО» просто деваться некуда, у них четыре турбины. Естественно, они попытаются их довести до ума. Но весь опыт того, что их доводят с 2008 года и никак не доведут, тоже о многом свидетельствует. Поэтому с точки зрения приобретения отечественного оборудования, которое не имеет большой наработки, отмена штрафов, несомненно, может простимулировать вкладывать деньги в покупку этого оборудования.

Вторая предпосылка. Например, в Санкт-Петербурге на заводе «Силовых машин» есть нормальная турбина мощностью 160 МВт. Основная проблема в том, что горячая часть не передана компанией Siemens, не локализована на территории Российской Федерации. Мне кажется, что, если будет разработан механизм модернизации, и в него попадет достаточное количество генерирующих мощностей, то одно из условий модернизации, которое может, в том числе, стимулировать иностранных производителей передавать технологии горячего тракта, — это именно то, что локализация на территории России должна быть 100-процентная. Тем более по турбинам на 160–180 МВт в зависимости от типа. Не думаю, что там есть какие-то большие секреты или технологические сложности, потому что эта турбина выпускается не один десяток лет. И нет ничего экстраординарного в том, чтобы создать здесь производство горячей части.

Но мне кажется, что мы стратегически немного не тем занимаемся — пытаемся догнать кого-то. Разработке этой турбины на 110 МВт, если я не ошибаюсь, больше 20 лет. И мы пытаемся довести турбину, которую придумали 20 лет назад. Мы должны

ставить задачу идти в систему опережения: посмотреть, какие зарубежные проекты есть, какие они перед собой ставят задачи до 2025 года, и пытаться создать именно это или опережающее. А не пытаться догнать турбину, проект которой был разработан 20 лет назад. Тем более, что аналоги у этой турбины есть, как я уже говорил, — это и 160 МВт, и 100 МВт. Насколько я понимаю, Siemens готов в России производить. И мы знаем, что «Интер РАО» вместе с General Electric занимаются производством турбин в России. Плюс нужно определить потенциальный спрос. Ведь просто так создавать турбину ради того, что когда-нибудь кто-нибудь что-нибудь купит, не нужно. Нужен спрос. Алексей Витальевич Барвинок (генеральный директор ПАО ТГК-1) долго проработал на «Силовых машинах», и он говорит, что больше 10 газовых турбин в год нужно производить для того, чтобы это было рентабельным.

Я не знаю ни о каких меморандумах и о том, что мы там участвуем. Я знаю, что «Интер РАО» ведет работу вместе с «Роснано» и «Сатурном». Но мы на сегодняшний день не можем получить нормальную работающую турбину, даже одну, на Рязанской ГРЭС, хотя ее ввод прошел в 2010 году. У нас два или три года осталось до конца ДПМ.

Что касается объемов модернизации — здесь я ничего сказать не могу. Потому что пока мы не видим каких-то четких и понятных решений и предложений. Я могу сказать, что идут дискуссии. Плюс это будет абсолютно конкурентная история. Она не будет распределяться по компаниям, и это будут какие-то конкурентные механизмы, пока не очень нам понятные.

Поэтому ни про объемы модернизации, ни про ее стоимость я не могу ничего сказать. Я знаю, что есть две идеи. Одну мы больше поддерживаем, одну — меньше.

Первая идея, которую мы предлагаем, — увеличить ставку платы за мощность по первой ценовой зоне. А мы на себя возьмем обязательство в рамках денег, дополнительно полученных нами, проводить модернизацию того оборудования, которое, как мы считаем, необходимо модернизировать. Просто потому, что мы лучше знаем наше оборудование, лучше сумеем определить наши «болевы точки» и проинвестировать по ним. Задача понятная.

Второй вариант — на подобии «ДПМ-штрих», когда создаются некие условия, похожие на ДПМ. Единственное, что по ним проходят конкурсные процедуры. Я пока не очень понимаю, как, например, если нужно в Москве что-нибудь модернизировать и какой-то объем средств будет выделен на Москву, то кто с нами сможет за модернизацию спорить. Мне не очень понятно.

Посмотрим, какое решение будет принято. Мне кажется, оптимальное решение — это увеличение ставки цены на мощность первой ценовой зоны и вынесение ряда денежных средств на проекты новой генерации. Мы видим, что сейчас в Калининграде будут строить, на Тамани хотят строить. Поэтому часть должна пойти через ДПМ, а часть — через увеличение тарифов на мощность, чтобы генерирующие компании имели возможность приводить в порядок то оборудование, которое устаревает.

Что касается текущих ставок, тут говорить не о чем. Сегодня ставка платы за мощность соответствует 2011 году, как и цена рынка на сутки вперед (РСВ) — она тоже не сильно подросла. Темп роста цен на топливо и индекса потребительских цен выше, чем рост цены на электроэнергию на РСВ. Поэтому каких-то сверхдоходов мы не получаем. Как результат, у нас нет инвестиционных стимулов для того, чтобы вкладывать деньги. Несомненно, мы понимаем нашу ответственность за нормальную работу нашего оборудования. Несомненно, деньги в поддержание оборудования в нормальном состоянии мы вкладываем. Но необходимы стимулы, чтобы проводить масштабные системные проекты, например, замену турбин Т-250 в Москве. Там 19 турбин, которые в разное время где-то до 2025 года, по идее, нужно заменить.

Турбину Т-290 мы разработали вместе с «Реновой». Пилотный проект на ТЭЦ-22 «Мосэнерго» (по замене турбины Т-250) мы запустили. Так или иначе мы его доведем до конца вне зависимости от рыночной конъюнктуры, потому что он нужен для теплоснабжения потребителей — не только существующих, но и тех, которые у нас появляются в Новой Москве. Город построил тепломагистраль от ТЭЦ-22 в сторону

Некрасовки, Люберец и далее. Поэтому проект этот мы доведем, но для того, чтобы он пошел в серию, чтобы мы загрузили наукоемкой и высокотехнологичной продукцией Уральский турбинный завод, необходимы стимулы. Мы считаем, что поднятие цены на мощность будет таким стимулом. А мы на себя возьмем обязательство заменить то оборудование, которое необходимо менять.

О. МЯГЧЕНКО: Я хочу уточнить про физический метод. Вы говорили о нем еще в 2015 году. Я так понимаю, со следующего года уже будет перевод. Какой будет дополнительный доход ТГК-1 от перехода, и насколько изменится плата и тариф для конечных потребителей.

Д.В. ФЕДОРОВ: Я пока не могу комментировать решения тарифных органов Санкт-Петербурга. Я могу комментировать только решения Федеральной антимонопольной службы, которая предписала перейти на физический метод. А их должны учитывать.

А.В. БАРВИНОК: Мы с 2016 года перешли на физический метод. И с 2016 года мы исчисляем физическим методом. Поэтому, согласно этому методу, в 2016–2018 годах должно быть доурегулирование.

Д.В. ФЕДОРОВ: Насколько я понимаю ту позицию, которую отразил город в письме к руководству «Газпрома»: для сохранения уровня цены на тепловую энергию в рамках заданных федеральными органами исполнительной власти предельных уровней тарифа им нужно дополнительно субсидии на 2 млрд руб. направить в адрес ТГК-1. Я не считаю, что 2 млрд руб. — это большие деньги.

Есть два метода. Либо пойти на повышение тарифа сверх тех предельных значений, которые выдает Федеральная антимонопольная служба — это не является каким-то нарушением, просто на то есть предписание антимонопольной службы. Либо субсидирование со стороны города.

О. МЯГЧЕНКО: Но субсидирование сейчас не идет?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы пока не знаем решения, каким образом город будет выходить из этой ситуации. На сегодняшний день даже судиться бессмысленно, потому что есть уже сложившаяся практика судов, в том числе «Фортум» судился. Достаточно очевидно и понятно, каким образом здесь надо действовать. И мне кажется, что для всех это явилось какой-то неожиданностью, хотя мы предупреждали об этом неоднократно, и рассмотрение в Федеральной антимонопольной службе достаточно долго шло. Поэтому мы не очень понимаем такое удивление, которое на сегодняшний день есть.

С моей точки зрения, наиболее правильным и объективным является просто внесение в бюджет изменений и выплата 2 млрд руб. Это, опять же, город так посчитал.

О. КВАШИНА: По программе импортозамещения строятся ли какие-то предприятия, возможно ли открытие филиалов в таких моногородах, как Зеленогорск, что увеличит рост потребления электроэнергии и тепловой энергии?

Д.В. ФЕДОРОВ: Про города типа Зеленогорска я сказать не могу. У нас есть завод по производству собственных контроллеров АСУ ТП (ГК «ТЕКОН»). Сейчас мы производим современные российские горелки, в прошлом году впервые начали производить релейно-защитную автоматику (РЗА), которая вполне соответствует мировым стандартам, а до этого использовалась только иностранная. Сейчас на Электростанции № 1 (Центральной ТЭЦ ТГК-1) мы впервые использовали отечественную РЗА. У «Газпром энергохолдинга» в этой компании (ГК «ТЕКОН») есть пакет акций — 25%.

У нас нет самоцели пытаться сделать все, и заместить все импортное отечественным. Мы видим те проекты, которые мы действительно можем реализовывать,

мы видим свои потребности на несколько лет вперед по тем или иным видам продукции. И мы смотрим возможности. Мы мембраны сейчас начали делать, и уже имеем опыт их положительного использования на собственных предприятиях по химводоочистке. Те же мембраны мы регулярно меняем.

Опять же, если говорить про вопросы импортозамещения или создания каких-то высокотехнологичных производств. Все говорят: «давайте турбины делать». Мы говорим: «Коллеги, сейчас не турбины надо делать, а лопатки». Сейчас основной бизнес — сервисный, это лопатки. Вы сделайте лопатки на территории Российской Федерации, и мы, конечно, с вами заключим контракты. Потому что объемы сервисных контрактов, с моей точки зрения, в ближайшее время превысят по стоимости объемы закупаемого оборудования, объемы газовых турбин. Поэтому давайте сначала сделаем лопатки, а потом, если сумеем, то доделаем газовые турбины.

Если есть интерес со стороны каких-то инвесторов, естественно, у нас на станциях есть территории, тепло, вода, где-то есть газ. Мы готовы обеспечить максимально комфортные условия для работы потенциальных инвесторов.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо, пресс-конференция закончена.